

Исторические топонимы в контексте этнокультурного наследия Каргополья

В богатом и разнообразном спектре объектов культурного наследия Русского Севера, включающем шедевры деревянной архитектуры, памятники фольклора, уникальные ремесленные традиции и др., свое место занимает топонимия – географические названия, являющиеся непосредственным элементом культурного ландшафта. Они, собственно, обладают всеми признаками, которыми характеризуется в соответствии с Конвенцией ЮНЕСКО 2003 года нематериальное культурное наследие: «Нематериальное культурное наследие, передаваемое от поколения к поколению, постоянно воссоздается сообществами и группами в зависимости от окружающей их среды, их взаимодействия с природой и их истории и формирует у них чувство самобытности и преемственности, содействуя тем самым уважению культурного разнообразия и творчеству человека».

Созданные в прошлом, топонимы передаются из поколения в поколение и являются знаковыми, брендовыми для территории. Судя по данным исторического языкознания, типологии топонимии, а также редким свидетельствам письменных источников, среди топонимов Русского Севера немало таких, возраст которых насчитывает не менее 1000 лет. Приходится признать, что среди фактов культурного наследия нашего региона не столь уж много дошедших из такой древности исторических свидетельств. При этом речь идет об истории, облеченной в слово, которое доносит через века не только отголоски звучания языка создателей топонима, но и наполнено содержанием. По сути, не меньшей историко-культурной ценностью обладают и более молодые по возрасту топонимы, ибо каждый из них создан определенным человеческим сообществом и отражает многие аспекты его жизнедеятельности, особенности его социально-экономического состояния, культуры, его приоритеты.

Перечисляя конкретные проявления нематериального культурного наследия, Конвенция не называет непосредственно топонимию, однако в документе обозначен язык, местные говоры как носитель этого наследия. Топонимы, если вдуматься – это тот же язык, самыми прочными узами связанный как с территорией, с природой, так и с историей.

Каргополью повезло больше, чем многим другим территориям Русского Севера, поскольку здесь в разные годы работали экспедиции двух российских топонимических центров. Уральский государственный университет, проводил здесь первые топонимические экспедиции еще в далеком 1967 году под руководством А.К. Матвеева – известнейшего российского исследователя, основателя Уральской топонимической школы – лучшей в России. Более скромно здесь работали топонимисты Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. В общей сложности, картотека топонимов Каргополья насчитывает более 15 тыс. названий и включает как наименования крупных водных объектов, поселений, так и многочисленные микротопонимы – названия сельскохозяйственных угодий и лесных урочищ, гор и болот, дорог и мостов – собственно, самых разных мест в окрестностях деревень и в отдалении от них, которые были включены жителями в хозяйственную деятельность. Это, безусловно, уникальный языковой и исторический источник, который еще в должной степени не освоен ни в исследовательской, ни в культурной, ни в образовательной деятельности.

В статье рассматриваются некоторые топонимы Каргополья, в которых заключена информация о дорогах – важнейшем элементе культурного ландшафта, сыгравшем принципиально важную роль в освоении территории, в сложении системы расселения, формировавшем границы историко-культурной зоны Каргополья. При этом в силу важности дорог информация о них получала широкое распространение, что способствовало устойчивости топонимов, привязанных к местам прохождения дорог, передаче их из поколения к поколению и от народа к народу.

Список «дорожных» топонимов включает целый ряд названий, за которыми стоит так и некой придорожной инфраструктурой: В качестве примеров далее указаны некоторые топонимы

из обширного списка. Зимние пути проходили через угодье Зимники (Тихмангская, д. Горка¹), Зимничное болото (Печниковская, д. Кучепалда); нередкое в топонимии название Переходы (напр., с. Лекшмо-Бор) привязано к местам, где дорога проходила через болото или между болотами, иногда через глухой лес. Угодья Перевоз (Лекшмозерская, д. Морщихинская) и Перевозница (Усачевская и Калитинская) располагались на противоположном от деревни берегу озера или реки и помечали места, куда причаливала лодка, перевозившая путников через озеро в деревню. Урочище Половина (напр., Шильдская, д. Кропачева) или Половинное озеро (Лядинская, д. Киселевская) маркируют места, расположенные на полпути между поселениями. О традиции ставить придорожные кресты – как правило, у перекрестка дорог – напоминают многочисленные топонимы с основой Крест-, напр., поле «У Креста» (Поздышевская, д. Киверниковская). К дорожной инфраструктуре могут быть причислены и стоявшие у дорог приметные деревья, помеченные зарубками на стволе или обрубленными ветками, ср. угодья «У Сосны» (Свидская, д. Горка; Волосовская, д. Трофимовская; Ряговская, д. Даниловская; Троицкая, д. Преслениха). В топонимах сохранилась память об уже забытом на Каргополье диалектном термине, которым называли такие приметные деревья. Это залазь или залозь – сугубо архангельское слово, известное, прежде всего, в мезенских и лешуконских говорах, где обозначает ‘высокую ель, у которой обрубаются ветви или вершина для приметы’², ‘участок ствола ели у вершины с вырубленными ветвями – примета места’³. Традиция обрубать ветки и делать затесы на стволе была широко распространена в лесной полосе Европейского севера, у прибалтийско-финских народов такое дерево-знак носило название карсикко и имело как сугубо практическое значение (например, мета, указатель места), так и мифологическое – как обрядовый символ, связанный с переходными и иными важными для отдельного человека, семьи, рода жизненными ситуациями⁴. Такие приметные сосны и ели часто стоят на кладбищах (карсикко умершего), на берегах водоемов (карсикко рыбака), на перекрестках дорог (карсикко путника).

Термин залазь ~ залозь бытует, как уже отмечалось, в восточных ангельских говорах. Топонимические фиксации же известны значительно западнее, отражая тем самым исторический ареал лексемы (*илл. 1*). В Каргополье нашими экспедициями зафиксировано три топонима: Залазный мыс (Свидская, д. Астафьево), Залозное, покос (Архангельская, д. Марковская), Залозь, место у дороги в д. Ручей бывшей Лекшмозерской волости. Судя по ареалу, речь должна идти об архангельской инновации, производной от глагола залазить. Видимо, из Каргополя и Кенозерья термин проник и на восточную окраину Карелии⁵.

Топонимия Каргополя сохранила память еще об одном древнем «дорожном» термине – древнерусском новгородском слове людчик ~ лющик ‘дорога’. Оно многократно фиксируется в древненовгородской письменности. В вологодских и архангельских актах XVI в. его использовали в виде словосочетания людской путь ‘дорога, улица’. Интересно, что в череповецких говорах слово лющик было зафиксировано в свое время в значении ‘непропаханная узкая полоса земли между полями или по краю поля возле изгороди; межа’⁶, которое, видимо, развилось из примарной «дорожной» семантики. Из архангельских же говоров термин, видимо, ушел полностью уже относительно давно, поскольку не зафиксирован в диалектных словарях.

Однако будучи утраченным говорами, слово продолжает жить, по крайней мере, в двух топонимах Каргополя: урочище

Илл. 1

¹ Привязка топонимов соответствует административному членению (сельсовет и деревня) Каргопольского района в 1970-80-е годы, когда научными экспедициями Уральского госуниверситета был собран основной массив топонимического материала Каргополя.

² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955.

³ Словарь говоров Русского Севера. Том IV. Под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург. 2009. С. 111.

⁴ Конка А.П. Карсикко: деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов. Петрозаводск, 2013.

⁵ Муллонен И.И., Захарова Е.В. Многослойная топонимия Кенозерья // Кенозерские чтения – 2011. Человек и среда: гармония и противоречия. Сборник материалов V Всероссийской научно-практической конференции. Архангельск. 2011. С.160.

⁶ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Под ред. А.С. Герда. Вып. 3. СПб. 1996. С. 170.

Лющик (Свидская, д. Матвеева) на левом берегу р. Свидь, примерно в 3 км от деревни в западном направлении. Второй топоним – Залющье (Тихмангская, д. Мячево), т.е. место за дорогой. Ценность этих топонимов двоякая: с одной стороны, они сохранили термин, принесенный некогда на Русский Север новгородцами. К сожалению, ареал топонима уже настолько разрушен, что сейчас даже трудно реконструировать тот путь, которым термин пришел в Каргополье. Судя по фиксациям, собранным В.Л. Васильевым, топоним Лющик был известен в Псковских землях, а также на реке Шексне в Белозерье, Залющик в районе р. Тихвинки, урочище Лющик есть в Карелии на Заонежском полуострове¹. В Картотеке топонимической экспедиции Уральского университета по Архангельской области отложились уголья Лющик в Кевролена реке Пинеге и в Холмогорском районе на реке Емце. Все они укладываются в ареал новгородской колонизации Севера и связаны, видимо, со временем новгородского освоения. Показательно в связи с этим, что московским писцам термин был неизвестен.

Топонимы сохранили реальную память не только о слове, но и о тех древних дорогах, которые этим словом названы. Иначе говоря, в топонимах заключена важная историко-культурная информация о формировании дорожной сети, в том числе водных путей.

В условиях таежного севера водные пути были вплоть до относительно недавнего времени единственно возможными дорогами большой протяженности при освоении территории, проникновения вглубь северных лесов. Поэтому для первопроходцев, жителей края было чрезвычайно важным знать, где начинается и заканчивается путь по воде, где располагаются волоки, является ли озеро проточным и т.д. Именно такого рода информация скрыта во многих древних гидронимах – названиях рек и озер – Русского Севера. Исключительно важную роль в формировании водных путей играли волоки – сухопутные участки между водными бассейнами, через которые перетаскивали, «волокли» лодки и более крупные суда. Археологические и исторические факты свидетельствуют о том, что многие северные волоки формировали пути славянской колонизации региона² и саму поселенческую сеть³. Топонимия, в свою очередь, нередко напрямую указывает на их использование в дославянское время, поскольку в названиях закрепился ряд финно-угорских терминов с семантикой ‘дорога, путь, волок’.

В ряду древних «волоковых» топонимов Русского Севера особый интерес вызывает группа названий с основой Ухт- (Ухтозеро, Ухта, Ухтома). Она не раз становилась предметом обсуждения в ономастической литературе, для ее интерпретации предложен целый ряд гипотез, из которых одна, исходившая из топографической характеристики объектов, а также из сопоставления облика топоосновы с угорским словом ахт ‘протока’, охгот, ухгут ‘перешек между двумя речками, по которому перетаскивают лодку, волок’⁴, блестящим образом подтвердилась относительно недавно, когда удалось реконструировать финно-угорскую лексему *ukti ‘дорога’⁵. Она воспроизведена в ряде гидронимов Белозерья, в том числе в названии знаменитого Ухтомского волока⁶, по которому попадали из бассейна Волги в бассейн Онеги и Северной Двины. В белозерском примере принципиально важное значение имеет переводная пара названий: р. Ухтома вытекает из озера Волоцкое, что, с одной стороны, подтверждает корректность этимологии топоосновы Ухт-, с другой, возможно, свидетельствует о двуязычии населения Белозерья в начальные века второго тысячелетия, которое привело к переводу исконного финно-угорского названия на русский. В Каргополье в эту группу входит название реки Ухта, впадающей с запада в оз. Лаче и вытекающей из группы озер с названием Ухтозеро. Узкий сухопутный участок отделяет их от верховий реки Чемсоры, относящейся

¹ Васильев В.Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М., 2012. С. 442–444.

² Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. М., 1997.

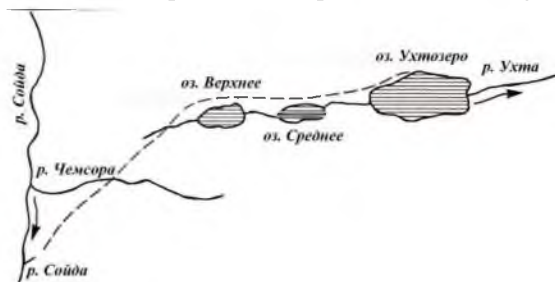
³ Тормосов Д.В. Водораздельный ландшафт как историко-географическая составляющая территории Каргополья // Кенозерские чтения-2011. Человек и среда: гармония и противоречия. Сборник материалов V Всероссийской научно-практической конференции. Архангельск, 2012. С. 215–226.

⁴ Афанасьев А.П. «Волоковая» лексика на водных путях Поволжья и Европейского Севера // Топонимика и историческая география. М., 1976. С. 21–26.

⁵ Sammallahhti P. Historical phonology of the Uralic languages // The Uralic languages. Description, history and foreign influences / ed. by D. Sinor. Leiden; New York; København; Köln: Brill, 1988. P. 537.

⁶ См. подробнее Муллонен И.И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. С. 210.

к бассейну Онежского озера (илл. 2). Логично предположить, что именно здесь, через верховья Ухты, проходил один из водно-волоковых путей из бассейна Онежского озера в бассейн р. Онега. В пользу этого свидетельствует и то, что именно в этом месте, прямо по предполагаемому волоку, проходит сухопутная дорога.

Илл. 2

Исходя из особенностей фонетического развития отдельных финно-угорских языков и последующей интеграции финно-угорских топонимов в русское языковое употребление, исследователи вводят в один этимологический ряд с Ухт- и топоосновы Охт- и Вохт-. Если Ухт- доносит до нас, видимо, верхневолжское звучание, то Охт- ~ Вохт- ближе к тому древнему праязыку, который продолжается в современных саамских языках. Топооснова Вохт- воплотилась в целой группе названий, среди которых фин. Vuohťajärvi, карел. Vuohťärvi – рус. Вохтозеро, а также неоднократно встречающиеся на Двинско-Волжском водоразделе Вохтанка, Вохтожка, Вохтома и др.¹ Видимо, в эту группу входит и название реки Вохтомица – притока р. Волошка, которая, в свою очередь, впадает в р. Онега в верхнем течении последней. Озеро Вельское, из которого она вытекает, отделяется узким перешейком от русла реки Вель (басс. Ваги), при этом перешеек пересекает небольшая речка с названием Матка, ср. прибалт.-фин. matka ‘волок’ (илл. 3). В свое время, Н.А. Макаров, исследовавший территорию предполагаемого Вохтомско-Вельского волока, констатировал с сожалением, что он «не оставил ни археологических следов, ни характерных микротопонимов, ни упоминаний в поземельных документах или в устной традиции»². Как видим, на самом деле память о волоке хранят два разноязычных и разновременных топонима, из которых Вохтомица – след языка древнего финно-угорского населения края, а Матка – явный более поздний прибалтийско-финский микротопоним.

Илл. 3

Собственно, память о волоке сохранилась и в местном предании об основателе села Валдиево, расположенного у истоков реки Вохтомица, бывшем разбойнике по имени Валдий, банда которого перетаскивала лодки с Вельского озера по просеке километров пять до реки Вель, а там спускалась по течению к Северной Двине [\[http://vk.com/topic-43329046_27468253\]](http://vk.com/topic-43329046_27468253). В свою очередь, прибалтийско-финские истоки топонима Матка в этом далеком от современных собственно прибалтийско-финских территорий районе поддерживаются антропонимом Валдий, который входит в число традиционных прибалтийско-финских нехристианских мужских имен: Valta, Valto, Valtari, Valtama, восходящих к древнему германскому заимствованию valta ‘сила, мощь, господство’³. Исторический и этнокультурный контекст позволяет, с одной стороны, предполагать, что топонимы Валдиево и Матка могут быть наследием известного карельского проникновения в Заволочье в XVI-XVII вв. С другой стороны, однако, их история может уходить корнями и в более отдаленное время, поскольку в силу значимости волоковой территории есть основания полагать ее относительно раннее освоение. Здесь стоит напомнить, что именная основа (антропоним) Валд- была известна в Заволочье уже в глубокой древности и отразилась в названиях погостов-становищ уставной грамоты 1137 г.: Валдит, Вавдит и, возможно, Волдутов погост. Дискуссия о месторасположении названных, как и ряда других погостов этого документа далека от завершения, хотя современные исследователи, кажется, единодушны в том, что все они находились, на реках Онеге и Двине, а порядок перечисления связан с передвижением

¹ Rahkonen P. South-Eastern Contact area of Finnic Languages in the Light of Onomastics. Jyväskylä: Bookwell Oy, 2013. P. 11.

² Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. М., 1997. С. 97.

³ Forsman A.V. Tutkimuksiasuomen kansanpersoonallisennimistönlalla. I. – Helsinki. 1894. S. 165; Stoebe D.-E. Die alten ostseefinnischen Personennamen im Rahmen eines urfinnischen Namensystems. Nord- und Ost-europäische Geschichtsstudien IV. Hamburg. 1964. S. 130–135.

«доможирича»¹ [Спиридонов 1989]. В контексте последнего утверждения стоит обратить внимание на упомянутые рядом в списке 1137 г. погосты «у Вавдита» и «у Вели». Их соседство, возможно, не случайно и отражает маршрут сборщика дани через Вохтомско-Вельский волок. В таком случае пункт «у Вавдита» на этом маршруте может быть предком современного села Валдиева, которое в списках населенных мест 1873 г. обозначено как «Валдиевский погост, что на Вельской проселочной дороге». На созвучие названий Валдиевского погоста двум погостам-станowiщам уставной грамоты обратили внимание археолог Н.А. Макаров² и фольклорист Ю.И. Смирнов³ – последний в связи с зафиксированным в Валдиево преданием о перебрасывании топора основателями деревень, входивших в состав Валдиево⁴.

Топонимическая ситуация, описанная выше, свидетельствует, таким образом, о длительном по времени использовании волока разными этноязыковыми коллективами. Память о древнем финно-угорском этапе хранит название реки Вохтомица, имеющее доприбалтийско-финские корни. Видимо, уже на рубеже тысячелетий традиция была подхвачена прибалтийско-финским населением, автором топонимов Матка и Валдиево. Волок использовался и в последующие века, о чем свидетельствует предание, об основателе поселения, преобразовавшись постепенно в Вельскую проселочную дорогу, известную по материалам XIX века.

В случае с Вохтомско-Вельским волоком топонимия выступает в ряду других источников, подтверждающих его использование. Однако нередки случаи, когда топоним оказывается практически единственным прямым свидетельством древнего водно-волокового пути. При этом косвенные данные в виде топографии местности и историко-культурного контекста подтверждают возможность того, что в древности по данной местности мог проходить волоковой путь. Такую ситуацию демонстрирует название р. Кинема, впадающую в оз. Лаче с восточного берега.

Побережья ее – достаточно глухая, практически лишенная поселений местность. Известно, что в конце XIX – начале XX вв. по ней сплавляли лес⁵. Судя по облику, Кинема входит в ряд древних финно-угорских речных наименований с формантом -ма, каковых множество на РС. Основа же КинV- с учетом исторических фонетических закономерностей может входить в один ряд с приб.-финкеіно ‘дорога, тропа, охотничий путик’, саам. gæi'dno < *kejno ‘дорога’⁶, ср. морд. ki ‘дорога’, киня ‘тропа’⁷. Видимо, в названии реки закрепилось слово из того древнего финно-угорского праязыка, который бытовал здесь, на Лаче, в доприбалтийско-финское и дорусское время и занимал промежуточное положение между прибалтийско-финскими, саамскими и мордовскими языками. В современном финно-угроведении принято говорить о западной ветви уральских языков. Топографическая характеристика указывает на возможность использования р. Кинемы в качестве водной дороги, ведущей из оз. Лаче на реку Волошку (илл. 4). Река вытекает из обширного болота Кинемская Чисть, которое примыкает к западному берегу р. Волошка, отделяясь от него перешейком незначительной ширины. Косвенным образом на существование этой древней дороги может указывать и то, что в устье реки на берегу озера Лаче известны

Илл. 4

¹ Спиридонов А.М. Устава Святослава Ольговича 1136/37 г. и установление погостов в Прионежье и Заволочье. КСИА, 1989, вып. 198.

² Макаров Н.А. Колонизация... С. 97.

³ Смирнов Ю.И. Перебрасывание единственного топора // Балто-славянские исследования XVIII. Сборник научных трудов. М., 2009. С.359.

⁴ См. текст предания в Дранникова Н.В. Фольклор Архангельского края: из материалов архива лаборатории фольклора. Архангельск, 2001. С. 34.

⁵ Крестьянские промыслы Каргопольского уезда Олонецкой губернии. Вып. 1. Петрозаводск, 1902. С. 27.

⁶ Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1. Helsinki, 1992 (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia; 556). S.338.

⁷ Вершинин В.И. Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. В 3 томах. Йошкар-Ола. 2006–2006.

археологические неолитические памятники Попово, Веретье – свидетельство ранней освоенности местности. Кроме того, использование этого водно-волокового пути позволяло обходить тянущиеся на 10 км Ряговские пороги на Волошке: уходить выше порогов через волок на Кинему и далее в оз. Лаче, или, наоборот: из Лаче через Кинему на Волошку и далее вверх по ней, например, на р. Вель. Возможно, именно в этой ситуации возникло и название реки Волошка. Вопреки высказывающемуся иногда мнению о том, что название реки восходит к русскому слову волок, факты исторического языкознания, скорее, указывают на то, что мы вновь имеем дело с финно-угорским субстратом, финно-угорской топоосновой со значением «нижний», т.е. Волошкой могла первоначально называться тот отрезок реки, который находится ниже Кинемского волока, от Ряговской волости до р. Онеги. Кстати, если такая интерпретация верна, то она выводит вновь на язык, который продолжается в западных уральских языках: фин. *ala(s)*, саам. *Nvuolle-* <прасаам. **völē'ala-*¹ (SSA), мерян. **vol(os)*².

Аналогичную топографическую и историко-культурную ситуацию отражает, возможно, и название реки Волошова на знаменитом Кенском волоке. Она тоже расположена после волока, ниже волока, если продвигаться со стороны Онежского озера. Возможно, и само возникновение старинной Ряговской волости было связано с обозначенным водно-волоковым маршрутом. Она могла появиться первоначально как некий перевалочный пункт на этом маршруте.

Топонимия, таким образом, хранит память о водно-волоковых путях, сыгравших принципиально важную роль в освоении территории Каргополья. При этом, судя по языковым истокам топонимов, маркирующих традиционные водно-волоковые пути, последние сложились еще на этапе дославянской колонизации края и были затем использованы как в ходе новгородского, так и московского продвижения на север. В свою очередь, для исторического языкознания существенно то обстоятельство, что эти древние топонимы – реальное языковое наследие исчезнувших уже языков. Характеристика тех мест, к которым топонимы привязаны, служит убедительным критерием истинности проведенных реконструкций.

¹ *Suomensanojenalkuperä....* 1. S.66.

² Рахконен П. Границы распространения меряно-муромских и древнемордовских гидронимов в верховьях Волги и бассейне Оки // Вопросы ономастики. 2012, № 1. С. 21–22.